

С.Н. ПУШКИН¹, Л.Е. ШАПОШНИКОВ¹

¹*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

СЛАВЯНОФИЛЬСКО-ЕВРАЗИЙСКОЕ ПОНИМАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. Во многом сформировавшиеся на идеях ранних славянофилов (главным образом А.С. Хомякова и Ю.Ф. Самарина) взгляды Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева на цивилизацию складывались под влиянием русского православия, его противопоставления различного рода экспансионистским попыткам западного христианства. Но при этом Данилевский полагал необходимым создание всеславянской цивилизации, объединяющей Россию со славянскими народами, а Леонтьев – славяно-азиатской цивилизации, в которую вместе с Россией должны войти не только европейские, но и азиатские народы, что существенно развили евразийские мыслители (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский и др.). Для них Россия есть Евразия, т.е. Россия-Евразия – единая мощная цивилизация, объединившая в границах СССР всех русских людей, для которых, однако, Восток был значительно ближе, чем Запад.

Ключевые слова: ранние славянофилы, евразийцы, славянская цивилизация, всеславянская цивилизация, славяно-азиатская цивилизация, евразийская цивилизация, европейская цивилизация, культурно-исторические типы, Россия, Европа.

S.N. PUSHKIN¹, L.E. SHAPOSHNIKOV¹

¹*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

SLAVOPHILE AND EURASIAN UNDERSTANDING OF RUSSIAN CIVILIZATION

Abstract. Largely developed on the ideas of the early Slavophiles (primarily A. Khomyakov and Yu. Samarin), N. Danilevsky's and K. Leontiev's ideas on the civilization were added under the influence of the Russian Orthodox Church, its opposition to various expansionistic attempts of the Western Christianity. Therewith, Danilevsky thought of a necessity to create All-Slav civilization, uniting Russia with Slav nations, while Leontiev suggested a Slav-Asian civilization which together with Russia should include not just Slavs but Asians. This was advanced by Eurasian thinkers (N. Trubetskoi, P. Savitsky, G. Vernadsky and others). Russia for them is Eurasia, i.e. Russia-Eurasia is a powerful civilization, united all Russian people within USSR for whom by the way the East was much nearer than the West.

Keywords: early Slavophiles, Eurasians, Slav civilization, All-Slav civilization, Slav-Asian civilization, Eurasian civilization, European civilization, cultural-historic types, Russia, Europe.

Ранние славянофилы формировали свои взгляды, в значительной мере отождествляя «просвещение» и «образованность» с «культурой» и «цивилизацией», ибо многие из них еще не обнаруживают между ними сколько-нибудь существенных различий. Так, например, А.С. Хомяков употребляет слово «просвещение» не только как синоним слова

«образованность», т.е. в общепринятом смысле приобщения к науке, но и для выражения религиозно-духовной стороны образованности – образованности не ума, а души человека. Поэтому-то, по его мнению, просвещение «сильно и без наукообразного знания», в то время как без просвещения всякая наука «бессмысленна и ничтожна». Ибо просвещение есть «тот живой корень», из которого успешно развивается не только наукообразное знание, но и «так называемая цивилизация или образованность» [1, с. 26-27]. В отличие от науки цивилизация способна выразить лучшие стремления жизни духа. Вместе с тем, заявляет Ю.Ф. Самарин, цивилизация – понятие «одно из самых неопределенных и сбивчивых», хотя и должно быть обусловлено в первую очередь религиозными параметрами, но может обозначать и «усовершенствование внешних условий жизни» [2, с. 267-268]. Последние ранние славянофилы обнаруживают и на многочисленных примерах всемирной истории, которая, с их точки зрения, представляет собой главным образом лишь своего рода подготовку для исследования истории России. Они пытаются не только разгадать, какой путь ей определил Бог, но и выяснить земные движущие силы ее развития, ее роль и место среди других народов. Основываясь на этом, славянофилы одними из первых в нашей отечественной историософии глубоко и всесторонне поднимают проблему особого характера развития нашей отечественной цивилизации.

При этом они заявляют не столько о завершении исторического пути европейской цивилизации и приходе ей на смену более молодой славянской цивилизации, сколько ратуют за их синтез. В то же время ранние славянофилы особое внимание обращают на нашу национальную самобытность, пробуждающую интерес к русской истории, которую они призывали изучать без «иностранных очков». Россия, полагают славянофилы, хранит в себе начала общей цивилизации, сближающей все народы и для всех обязательной. Страны же Запада живут на началах своих, необязательных для других народов, индивидуальных цивилизаций. Понятно, что «в деле цивилизации, – утверждает Ю.Ф. Самарин, – главное, существенное есть общее и обязательное; общему подчиняется частное как второстепенное и необязательное». И поскольку общая и частная цивилизации вполне могут так или иначе сосуществовать, «нет ничего нелепого в противопоставлении цивилизации Западно-Европейской, или католико-протестантской, цивилизации православно-русской; а, напротив, непризнание громадной разницы между этими двумя мирами есть признак замечательной близорукости» [2, с. 282, 283-284].

Данное утверждение было положено Н.Я. Данилевским в основу своей теории культурно-исторических типов. Подкрепляя свои историософские взгляды естественнонаучной аргументацией, он в отличие от ранних славянофилов убежден: действительным объектом мировой истории является не человечество, а отдельные культурно-исторические типы. А поэтому деление истории на древнюю, среднюю и новую никак не может исчерпать всего ее содержания. «В целях возведения исторической науки в «степень естественной классификации, – выражает П.Н. Миллюков одно из важнейших положений Данилевского, – надо положить в основу этой классификации не деление на хронологические периоды, а деление на реальные группы, отдельные национальности» [3, с. 11]. В этой связи Н.Я. Данилевский и выделяет три этапа формирования культурно-исторического типа: этнографический (племенной), государственный и завершающий его историческое бытие цивилизационный. «Под периодом цивилизации разумею я время, – делает вывод мыслитель, – в течение которого народы, составляющие тип, выйдя из

бессознательной чисто этнографической формы быта (что, собственно, должно бы соответствовать так называемой древней истории), создав, укрепив и оградив свое внешнее существование как самобытных политических единиц (что, собственно, составляет содержание всякой средней истории), – проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть залогов в их духовной природе...» [4, с. 89]. Именно в этот период расцветают искусства и науки, осуществляются идеалы свободы, общественного благоустройства, благосостояния народа.

По многочисленным утверждениям Н.Я. Данилевского, народ творит, выражает себя в соответствии со своим складом характера. Творить же по чужим образцам – обречь себя на подражательность и эпигонство. Попытки подобного рода чрезвычайно опасны, так как они могут просто перечеркнуть многовековой путь собственного развития. Отказ от народного характера – не просто отказ от прошлого, но и признание бессмысленности как своего настоящего, так и своего будущего. Хотя проблема будущего решается мыслителем вполне однозначно. После этнографического, государственного, цивилизационного этапов творческая активность народа иссякает и цивилизация впадает или в «апатию отчаяния», или в «апатию самодовольства», гибнет. Славянская цивилизация, пишет Н.Я. Данилевский, может быть только православной, так как православие пронизывает все содержание русской жизни, только в православии находит выражение подлинный интерес русских людей. В частности, под влиянием православия сформировался мирный характер славянской цивилизации, в полной мере соответствующий христианским идеалам. Хотя и в природных свойствах славян также нет задатков для искажения кроткого духа христианства, которому они вполне добровольно подчинились. Очевидно, что для Н.Я. Данилевского различие между европейской и славянской цивилизациями «не поглощается родовым понятием христианской цивилизации, потому что... европейская цивилизация, произрастив немало действительно христианских плодов, – на основании неудержимого хода развития того зерна западной лжи, которое примешалось к вселенской истине, – дошла до непримиримого противоречия...» [4, с. 183]. Неудивительно, что в основе двух основных типов цивилизации он в первую очередь усматривает самостоятельные христианские направления.

По Данилевскому, объединенной Европе может противостоять только объединенное Славянство. Для этого, по его словам, все славянские народы должны образовать федерацию от Адриатического моря до Тихого океана, заложив тем самым прочные основы развития уже не славянской, а всеславянской цивилизации, в которой Россия по-прежнему должна играть ведущую роль. Вместе с тем он подчеркивает: «нужно не поглощение славян Россией, а объединение всех славянских народов общей идеей Всеславянства как в политическом, так и в культурном отношении, и в первом – главнейше и преимущественно для возможности осуществления последнего» [4, с. 329]. Именно в этом мыслитель видит важнейшие причины перерастания славянской цивилизации во всеславянскую, способную активно и успешно противостоять единой европейской цивилизации.

Испытывая вслед за Данилевским приверженность теории циклического развития, К.Н. Леонтьев утверждает, что цивилизации, как и всякие другие общественные организмы, во многом уподобляемые им живым организмам, также рождаются, живут и умирают. Все они (если искусственно не обрывается их развитие) переживают три периода: «первичной простоты», «цветущей сложности», «вторичного смесительного упрощения». Таким образом, одна из важнейших идей Данилевского – идея о подчиненности исторического бытия

законам органической природы – получила дальнейшее развитие в концепции «триединого процесса» К.Н. Леонтьева. Рассматривая различного рода взаимоотношения европейской и славянской цивилизаций, он активно воспользовался созданным Данилевским «мерилом твердым» – концепций культурно-исторических типов, не просто развив эту концепцию, но создав свое оригинальное учение. Формируя собственные идеи, Леонтьев основное внимание уделяет гипотезе вторичного смесительного упрощения культурно-исторических типов. А поэтому предпочитает пользоваться понятием «цивилизация», которое у Данилевского выражает главным образом завершение культурно-исторического типа. При этом К.Н. Леонтьев дает достаточно широкое определение цивилизации. По его мнению, это «сложная система отвлеченных идей (религиозных, государственных, лично-нравственных, философских и художественных), которая вырабатывается всей жизнью наций» [5, с. 250].

Определяя местом ее рождения Византию (другие культурно-исторические типы – цивилизации его, в общем-то, не интересовали), он ведущую роль в ее создании отводит христианству, ибо без религии подлинной цивилизации быть не может. Пережив в IV в. период расцвета, она в течение пяти веков охватывала и Восток, и Запад. И хотя, как государство, Византия, по Леонтьеву, «всю жизнь» занимала оборонительное положение, как цивилизация, «она царила долго повсюду и приобретала целые миры». Впоследствии из византийской цивилизации выделяется романо-германская, или западноевропейская цивилизация. Но в то же время к ней присоединяются южные славяне и Россия, где и формируется славяно-восточная цивилизация. Неудивительно, что основы русского и государственного, и домашнего быта, по убеждениям К.Н. Леонтьева, самым тесным образом «связаны с византизмом».

В отличие от ранних славянофилов и Н.Я. Данилевского, он не любил славян за то, что они оказались в зависимости от западноевропейской цивилизации, в большей или меньше мере были развращены ею. Не создав сильных монархических государств, все славянские народы (кроме России), по Леонтьеву, не смогли создать частных цивилизаций, хотя западноевропейские монархии частные цивилизации создали. Неудивительно, что К.Н. Леонтьев полагал, что за неимением лучшего спасительного средства «турецкий презервативный колпак» в достаточной мере эффективно сдерживает разрушительное воздействие западноевропейской цивилизации на южных славян. И если изгнание турецкого султана, по его утверждениям, все же необходимо, то только потому, что его держава уже не может в достаточной мере эффективно противостоять либеральному европеизму. Поэтому, выступая против политического сближения со славянами, К.Н. Леонтьев стремится сохранить в России «истинно-консервативные, то есть византийские начала» славяно-восточной цивилизации. В этой связи он полагал византийскую церковь лучшим из того, что имелось у русского и славянских народов.

К.Н. Леонтьев не стремится к полному и окончательному отделению России от других славянских народов, далек он и от провозглашения славяно-восточной цивилизации цивилизацией русской. Полагая, что «судьбы исторические должны совершаться вопреки историческим соображениям», он заявляет, что освобождение славян для России должно быть не целью, а всего лишь только средством. «Цель, – по его мнению, – была цивилизация своя, непохожая на западную, культура по возможности независимая от хода европейской культуры» [5, с. 264]. Огорченный, что славянского в славянах остается все меньше, а европейского становится все больше, К.Н. Леонтьев подвергает критике европейскую

буржуазную цивилизацию и призывает преодолеть ее разлагающее воздействие на славянские народы. Но для противостояния ей они должны создать восточно-православный союз, во главе которого должна стать Россия. Без этого, полагает он, невозможно «создание единой и своеобразной славянской цивилизации, одинаково отличной и от западных форм просвещения, и от всех азиатских культур» [6, с. 97]. Таким образом, мыслитель обосновывает необходимость укрепления славяно-восточной цивилизации путем ее расширения в цивилизацию славянскую (всеславянскую), способную не только эффективно противостоять цивилизации западноевропейской, но и полностью вытеснить ее с исторической арены. Он верит, что «Россия, имеющая стать во главе какой-то ново-восточной государственности, должна дать миру и новую культуру, заменить этой новой славяно-восточной цивилизацией отходящую цивилизацию Романо-Германской Европы» [5, с. 107-108].

Для создания и укрепления славяно-восточной цивилизации он предлагает смелее и шире вводить в славянскую среду больше бытового обособления, которое вместе с религиозным единством позволит присоединить к ней значительную долю «физиологических примесей». Разрушая «иллюзии национального самообольщения», К.Н. Леонтьев призывает славянские народы сливаться с азиатскими народами. В своей автобиографии он по этому поводу пишет, что «для достижения своей цивилизации русским выгоднее проникаться турецкими, индийскими, китайскими началами и охранять крепко все греко-византийские...» [7, с. 452]. Исходя из этого, мыслитель полагает, что славяно-восточная цивилизация имеет вполне реальные перспективы для перерастания в славяно-азиатскую цивилизацию. А поэтому важно обеспечить развитие этой «своей собственной, оригинальной славяно-азиатской цивилизации, от европейской (или романо-германской) настолько же отличной, насколько были отличны: эллино-римская от предшествовавших ей египетской, халдейской и персо-мидийской; византийская... от предшествовавшей ей эллино-римской, или, наконец, настолько, насколько была отлична новая, последняя романо-германская цивилизация от... эллино-римской и византийской» [5, с. 420]. Подобные аргументы в начале XX в. были развиты евразийскими мыслителями, которые, обосновывая образование своеобразного «национального русского типа» – евразийской цивилизации, утверждали, что русские – не европейцы и не азиаты, а евразийцы.

Определяя Россию как Евразию, расположившуюся на трех равнинах: Восточно-Европейской, Западно-Сибирской, Туркестанской, Россия, по утверждениям евразийских мыслителей, представляет собой особый континент, особую цивилизацию. «Вместо обычных двух на материке “Старого Света” мы, – указывает П.Н. Савицкий, – различаем три континента: Европу, Евразию и Азию» [8, с. 154]. При этом евразийские мыслители, как правило, отождествляли Евразию с Россией. Для них Россия-Евразия представляет собой единую самобытную цивилизацию. А поэтому разделение России на две части – европейскую, населенную славянами, и азиатскую, населенную туранцами – народами «урало-алтайской группы», ошибочно. Понятно, что евразийцев возмущало, что этнические корни русского народа рассматривались образованным обществом России как исключительно славянские. «Мы склонны были всегда выдвигать наше славянское происхождение, замалчивая наличность в нас туранского элемента, даже как будто стыдясь этого элемента, – пишет Н.С. Трубецкой. – С этим предрассудком пора покончить» [9, с. 141]. Русский народ должен гордиться своими туранскими корнями не в меньшей мере, чем

славянскими. Таким образом, в отличие от славянофилов, которые, по существу, отождествляли русских и славян, для евразийцев русские – не европейцы (славяне) и не азиаты (туранцы), а евразийцы.

Мечтавшие о великом историческом будущем России-Евразии евразийские мыслители постоянно высказывают идею о важности сохранения и охранения ее «месторазвития». Данное понятие у них очень близко понятию «культурно-исторический тип», сформулированному Н.Я. Данилевским, понимавшим под цивилизацией не только последнюю, завершающуюся стадию культурно-исторического типа, но и культурно-исторический тип в целом. Развивая его взгляды, П.Н. Савицкий, добавляет: «Ряд культурно-исторических типов, намеченный Н.Я. Данилевским, продолжим *культурно-историческим типом евразийским*» [10, с. 232]. При этом евразийцы убеждены, что каждый культурно-исторический тип (цивилизация) может успешно развиваться только в границах собственного месторазвития, обретение которого в нашей стране осуществилось отнюдь не в Киевской Руси.

При рассмотрении генезиса принявших православие славянских народов евразийцы приходят отнюдь не к оптимистическим выводам, ибо, с их точки зрения, первоначальный расцвет восточных славян ведет не к стабилизации и развитию, а к трагизму разложения, упадка, «ига». А поэтому монголо-татарское нашествие отнюдь не «роковая случайность», которую при иных обстоятельствах можно было бы избежать. Евразийские мыслители убеждены, что «без “татарщины” не было бы России» [11, с. 59], которая была подготовлена всей предыдущей историей Киевской Руси. В этой связи утверждения о том, что монголо-татары разрушили цветущую цивилизацию восточных славян, они полагали ошибочными. «Не будем удивляться выводу, предложенному нам Н.С. Трубецким, пишет в этой связи Л.Н. Гумилев. – Киевская Русь XII в. не является предком современной России...» [12, с. 37]. И вместе с тем евразийцы явно не приемлют лишь исключительно восторженного отношения к монголо-татарскому вторжению на Русь. Ибо если в «домонгольскую» эпоху восточные славяне расселялись преимущественно в лесостепи, то впоследствии они были вынуждены «отсиживаться» в лесах, труднопроходимых для монголо-татарской конницы. На Руси резко снижается численность городского населения, уменьшившегося в связи с разорением городов и постоянными насильственными привлечением мастеровых людей на ханскую службу. «Разрушение во время нашествий большинства русских главных городов нанесло, – заявляет Г.В. Вернадский, – серьезный удар по городской цивилизации» [13, с. 82]. Ремесло приходит в упадок, Киевская Русь превращается в «преимущественно аграрную страну».

В исторической науке монголо-татарское нашествие обычно, так или иначе, отождествляется с разрывом, изоляцией России от Европы. С подобного рода утверждениями евразийцы в целом были согласны, но не воспринимали их исключительно негативно. Ими постоянно подчеркивалось, что наряду с монголо-татарским игом Русь пережила и опасность европейской экспансии, ощущая сильнейшее внешнее давление не только с Востока, но и с Запада. Как только, например, монголо-татары покидают ее западные регионы, там сразу же обосновываются Польша и Литва. «Развернувшаяся на великой восточно-европейской равнине, как особый культурный мир между Европой и Азией, Русь в XIII веке попадает в тиски, – констатирует Г.В. Вернадский, – так как подвергается грозному нападению обеих сторон...» [14, с. 229]. Бороться сразу на два фронта

восточные славяне были явно не в силах. Им было жизненно необходимо сделать выбор в пользу или Востока, или Запада.

Евразийцы неоднократно отмечали, что формирующееся и крепнущее в эпоху монголо-татарского нашествия Московское княжество стало «месторазвитием», откуда и начнется процесс созидания России-Евразии. «Здесь неизменно были сильны полученные от Византии культурные начала, – заявляет П.Н. Савицкий, – и эта же среда сначала принуждена была пойти, а затем волею пошла, и плодотворно прошла татарскую школу...» [8, с. 307-308]. Здесь не только активно происходило собирание византийского и монголо-татарского наследия, но и наиболее полно выразилась неприемлющая латинства «русскость». Благодаря этим обстоятельствам именно в Московской Руси и сложились благоприятные условия для развития нашей отечественной цивилизации. В этой связи евразийские мыслители постоянно подчеркивают, что «исторически первые обнаружения евразийского культурного единства» следует искать не в Киевской, а в Московской Руси – восприемнице Золотой Орды. Неудивительно, что у них московские цари – продолжатели дела отнюдь не киевских князей, а монголо-татарских ханов. *«Монголы сформировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя, – заявили евразийцы. – Они ориентировали к этой задаче евразийские национальные государства, прежде всего и более всего – Московский улус»* [15, с. 261]. Он занимает место монголо-татарского государства, формируя евразийский культурный мир в единую цивилизацию.

Евразийские мыслители много писали о возвышении Московского княжества. Завоевавшие доверие ханов, ставшие для них необходимыми московские князья, по убеждению евразийцев, были не только «проводниками татарских политических планов», но и «агентами центральной ордынской власти». Однако, окрепнув, они все более превращаются в автономных правителей, взявших на себя руководство общерусским сопротивлением монголо-татарам. Возглавив национально-освободительную борьбу, московские князья начали созидание централизованной власти, а следовательно, как полагают евразийские мыслители, и православливание монголо-татарской государственности. Но «настоящими государственными правителями они сделались лишь тогда, когда от “собирания русской земли” перешли к “собиранию земли татарской” – к покорению под свою центральную власть отдельных разрозненных и обособившихся частей северо-западного улуса монгольской империи (бывшего улуса Золотой Орды)» [9, с. 230]. Ибо пока московские князья «собирали» лишь русские земли, они были «сепаратистами», «провинциальными губернаторами», а не выразителями общенациональной государственной власти.

Вместе с тем Россия, вынужденная постоянно заимствовать из Западной Европы ее технические достижения, должна, по мнению евразийцев, избегать религиозно-духовной зависимости от нее. Вот почему эти мыслители-эмигранты, сформировавшие свои взгляды на Западе, призывали «всячески отмежеваться от Европы и европейской цивилизации... Наоборот, – пишет Н.С. Трубецкой, – в отношениях своих к странам и народам неевропейской цивилизации будущая Россия должна руководствоваться чувством солидарности, видя в них естественных союзников, одинаково заинтересованных в преодолении империализма европейской цивилизации» [9, с. 263]. Весьма активно в этой связи евразийские мыслители исследовали эпоху петровских реформ. Заявляя, что

привлечение европейских технических достижений для отечественной цивилизации насущно необходимо, евразийцы весьма резко критикуют многие петровские заимствования, заражающие Россию западноевропейским духом. Петр I разрушал «все те устои, на которых покоилась внутренняя мощь России», утверждают они. После него наша отечественная цивилизация вступает в эпоху, определяемую евразийцами как европейское или романо-германское иго, по срокам вполне сравнимое с монголо-татарским, но по тяжести последствий значительно его превосходящим.

Неудивительно, что критика евразийцами европейцев, активно участвовавших в перестройке России по своим образцам, значительно усиливается при оценке деятельности их русских эпигонов. Последние воспринимались евразийскими мыслителями главным образом как беспринципные и тщеславные оппортунисты, стремящиеся к наживе и обогащению карьеристы. Для евразийцев «птенцы гнезда Петрова» – это, как правило, «отъявленные мошенники и проходимцы». Они убеждены, что у Петра I не оказалось сколько-нибудь достойных преемников, ибо в его окружении не было, да и не могло быть действительно порядочных людей. Его антинациональная деятельность сформировала «тип людей, враждебных подлинной национальной стихии, и глубоко развратила высшие слои общества, – возмущается Н.С. Трубецкой, – перемена курса была фактически невозможна: в новом режиме было заинтересованно уже слишком много людей...» [9. с. 243].

И не только в XVIII в., но и в XIX-начале XX вв. всем им, по утверждениям евразийцев, было присуще преимущественно поверхностное обезьянничание, порожденное страстным желанием «полной европеизации всех сторон русской жизни», разрушением фундаментальных основ сформировавшейся в России цивилизации. Отрицая единую линию мирового развития, евразийцы выступили предтечами современного антиглобализма, рассматривая европейскую цивилизацию всего лишь как одну из локальных цивилизаций. Выдаваемая за мировую, она, с их точки зрения, представляет серьезную угрозу для России. В этой связи евразийских мыслителей не может не радовать, что все попытки переделать нашу цивилизацию по европейскому образцу усиливают лишь ненависть к европеизму, породившему как «капиталистически-буржуазный строй», так и «мировоззрение социализма и экономического материализма». Однако и то, и другое, по их мнению, есть реализация «духа европейской цивилизации» – главного препятствия развития нашей отечественной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М.: Типо-литограф. Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1911. Т.1. 412 с.
2. Самарин Ю.Ф. Сочинения. Статьи разного содержания и по польскому вопросу. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К, 1877. Т.1. 402 с.
3. Милюков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. М.: Типо-Литограф. Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1893. 53 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Изд-во Петербург. ун-та, 1995. 552 с.
5. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М.: Издание В.М. Саблина, 1912. Т.5. 470 с.
6. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М.: Издание В.М. Саблина, 1912. Т.7. 566 с.
7. Леонтьев К.Н. «Моя литературная судьба». Автобиография // Литературное наследство.

М., 1935. №22-24. С. 427-496.

8. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1995. 464 с.

9. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 800 с.

10. Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Мир России – Евразия: Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 219-232.

11. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Мир России – Евразия: Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 58-66.

12. Гумилев Л.Н. Историко-философские труды князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 31-54.

13. Вернадский Г.В. Русская история: учебник. М.: «Аграф», 1997. 544 с.

14. Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. М.: «Беловодье», 1997. С. 227-249.

15. Евразийство (опыт систематического изложения) // Мир России – Евразия: Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 233-290.

REFERENCES

1. Homjakov A.S. The complete works. Moscow, Tipo-litograf. T-va I.N. Kushnerev i K Publ., 1911. Vol.1. 412 p. (In Russian)

2. Samarin Ju.F. The works. Various articles and also on the Polish problem. Moscow, Tip. A.I. Mamontova i K Publ., 1877. Vol.1. 402 p. (In Russian)

3. Miljukov P.N. The decomposition of Slavophilia. Danilevsky, Leontiev, Vl. Soloviev. Moscow, Tipo-Litograf. T-va I.N. Kushnerev i K Publ., 1893. 53 p. (In Russian)

4. Danilevskij N.Ja. Russia and Europe: A view on the cultural and political relations of the Slav world to the Germanic-Romanistic. St. Petersburg, Peterburg. un-ta Publ., 1995. 552 p. (In Russian)

5. Leont'ev K.N. Collected works. Moscow, Izdanie V.M. Sablina Publ., 1912. Vol.5. 470 p. (In Russian)

6. Leont'ev K.N. Collected works. Moscow, Izdanie V.M. Sablina Publ., 1912. Vol.7. 566 p. (In Russian)

7. Leont'ev K.N. My literature destiny. Autobiography. *Literaturnoe nasledstvo*, 1935, no. 22-24, pp. 427-496. (In Russian)

8. Savickij P.N. Eurasia Continent. Moscow, Agraf Publ., 1995. 464 p. (In Russian)

9. Trubeckoj N.S. History. Culture. Language. Moscow, «Progress» Publ., 1995. 800 p. (In Russian)

10. Savickij P.N. The geographical overview on Russia-Eurasia. *Mir Rossii – Evrazija: Antologija*. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1995, pp. 219-232. (In Russian)

11. Savickij P.N. Step and settlement. *Mir Rossii – Evrazija: Antologija*. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1995, pp. 58-66. (In Russian)

12. Gumilev L.N. The Historical and philosophical works by knight N.S. Trubeckoj (The notes of the last Eurasian). *Trubeckoj N.S. Istorija. Kul'tura. Jazyk*. Moscow, «Progress» Publ., 1995, pp. 31-54. (In Russian)

13. Vernadskij G.V. History of Russia. Textbook. Moscow, Agraf Publ., 1997. 544 p. (In Russian)

14. Vernadskij G.V. The two heroic deeds of Saint Aleksander Nevsky. *Russkij uzal evrazijstva. Vostok v russkoj mysli*. Moscow, «Belovod'e», 1997, pp. 227-249. (In Russian)
15. Eurasianism (the experience of systematized narration). *Mir Rossii – Evrazija: Antologija*. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1995, pp. 233-290. (In Russian)

© Пушкин С.Н., Шапошников Л.Е., 2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пушкин Сергей Николаевич – доктор эфилософских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: spushkin1949@mail.ru

Шапошников Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теологии, президент Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: rectornnspu@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Pushkin Sergei N. – PhD, Professor, Professor of Philosophy and Theology Chair, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhn y Novgorod, Russian Federation, e-mail: spushkin1949@mail.ru

Shaposhnikov Lev E. – PhD, Professor, Head of Philosophy and Theology Chair, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: rectornnspu@rambler.ru